КОНОПЛЕВ Н. С.

СОЦИАЛЬНО АКТИВИРОВАННОЕ ОТРАЖЕНИЕ КАК СПОСОБ СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОГО ОСВОЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Рассмотрено социально воспроизводимое отражение контекстом адаптации все более – под влиянием НТР – индивидуализирующегося человечества к реалиям предметного мира, а также самовыражение отдельного индивида в его «горизонтально-вертикальной структурированности». Показано, что анализируемое отражение стимулирует не просто наше познавательное отношение к миру, но и постиженческое – с привлечением (свободной от религиозности) вероисповедной составляющей человеческой духовности – его освоение на основе глобально расширяющихся субъектно-субъектных взаимодействий. Благодаря им становится возможным усилить гуманитаризацию общения социума с окружающей средой, сделать более человечными попытки личностной самореализации путем свертывания «потребительской шкалы поведения». Сказанным намечается один из поступательно действенных подходов к становлению ноосферной формы движения материи.

«Отражение» – это свойство реальной действительности и научно-методологический конструкт. Под отражением как свойством, «родственным с ощущением» [1], которым, согласно В. И. Ленину, обладает «вся материя» [2], мы понимаем такое взаимодействие двух или нескольких материальных или идеальных систем, в ходе которого осуществляются как их развертывание (преформизм), так и развитие (эволюция). Отражение – энергийно спрессованное взаимодействие: весьма информативно насыщенное оно не уподоблено «зеркальному отражению» (т. е. – на деле – «предотражению», воспроизводимому механической зависимостью), фиксирующему «иллюзорное умножение сущностей» (это «умножение», будучи несомненно реальным, тем не менее лишь скользит, словно солнечный зайчик, по их «облику»). Главное в отражении – его опережающий настрой, усиленный присутствием человека. О мире мы судим не его (т. е. этого мира) глазами (интересно было бы их лицезреть!), но явно «скатываемся» на «человеческое зрение». Такое становится возможным из-за невольного приобщения к антропоморфизации, «дышащей» глубинами мифа. Содержа универсальный детерминизм, предельно широкую событийную логику и ценностный антураж, миф, по мере преодоления первобытно-общинных социальных связей (их следует рассматривать в качестве культурного слоя становящегося человечества) системой общественных отношений, скрепляе-

мых цивилизацией с ее тенденцией на индивидуально претворяемый всеохватный прогресс, растворяется в формах общественного сознания. Особую роль здесь обретает наука: в ней детерминизм, прочерчиваемый каузальностью, причинно-следственно итожится. Известно, что наука (говоря точнее – преднаука) сорганизована неолитической революцией – временем отделения «духовного настроя» от «физически насыщенной целеположенности», или труда. На практике этому соответствовала цивилизационно – рамками моногамно-патриархальной семьи – определившаяся массовая индивидуализация социума, беспрецедентно размахнувшаяся ныне взлетом НТР.

Двойственный характер человеческой духовности. Становление человеческой духовности повлияло на внутреннее раздвоение индивида: с одной стороны, он приспосабливается к миру, с другой – преодолевает его «фактом» собственной неповторимости. Оперируя «заземленностью», человек убеждает себя в том, что он способен «миновать» «посюстороннее притяжение». Жизненный финал снимает сие заблуждение. Свою раздвоенность, восходящую к истокам цивилизации, человек повсеместно «прикрывал» трудом. Цивилизация же – постоянно восполняемый прогресс – постепенно подменяла труд другим, более совершенным (с точки зрения упомянутого прогресса) производством – работой. Сегодня трудовую составляющую производства выполняет техника, и человек оперирует ею за счет умственной – это и есть главное в работе! – деятельности (усиливающей его духовный капитал). Казалось бы, все хорошо. Однако на деле закрепляется иллюзорное удвоение мира, и полюсами этого удвоения выступают отдельно взятый человек и окружающая его среда. «Наплывшее» удвоение подлежит преодолению. Но как его осуществить? Ведь чем больше человек оперирует собственным интеллектом в решении этого вопроса, тем упорнее «зияние иллюзорности» с «приятным блеском» обретает «торжествующую всесветность». Используя различные приемы снятия «иллюзорной компенсаторности», мы вовсе не достигаем сколько-нибудь положительных результатов – наоборот, она крепится вспыхнувшей из-за беспримерно возросшего инфомассива «виртуализацией» (суть которой, по нашему мнению, заключается в том, что каждый из нас, не справляясь с инфомассивом, накрывается западней инфошума, и это погружает индивида в «шизо-состояние»; к этому, конечно, «виртуал» не сводим, но этим сегодня он опасен как

наркотик). Религия с ее приобщенностью к богу, вокруг которого якобы единится человечество (с преодолением каждым из нас навалившегося самоотчуждения), также оказывается бессильной перед грозящей катастрофой – утратой человеком своего земного предназначения. Современность взывает к науке, тем более что она (т. е. наука) безапелляционно утвердилась, и ничто не свернет ее на обочину практических достижений… Но всем известно, что под влиянием НТР складывающаяся искусственная природа лишь углубляет человеческое самоотчуждение зомбирующим омассовлением народонаселения. …Людям надлежит преодолеть «собственное удвоение», воспринимаемое как выражение «компенсаторной обустроенности». Мы отметили: «компенсаторика» преисполнена видимой невооруженным взглядом иллюзорностью. Сам же конкретный представитель показанного здесь «шизо-состояния» (фиксирующего «самоотчуждение») считает, что компенсация вовсе не иллюзорна, но вполне конструктивна. Однако нам трудно выразить, насколько нормальна наша «естественность», и не являемся ли мы – земляне – «продуктом» того невольного удвоения сущего, под влиянием чего мы только и смогли самих себя осознать. Осознавать значит отделять свой физический статус от его «идеального расклада». Мое сознание развертывается благодаря моему телу, из которого оно «проистекает». Вместе с тем сознание не уподобляется телу, поскольку они причастны разным измерениям – миру материальному (здесь пребывает «телесность») и «идеальности» (т. е. области сознания), складывающейся ввиду моей способности обобщенно отражать «вселенскую рядоположенность».

Мир открыт людям, и в этом наше счастье. С момента становления вида Homo sapiens (когда он, овладевая трудодеятельностью, обрек себя на внутреннее раздвоение с попытками исчерпания его «иллюзорной компенсаторностью») человек, блуждая по лабиринтам неизведанности и утрачиваясь, затем, вроде, «настигает» самого себя. После он вновь теряется, подобно господину Голядкину из «патологической» повести Ф. М. Достоевского (1821–1881) «Двойник». …Не претендуя ни на что, кроме как на свободное изложение позиции, начнем с освещения перспектив поиска по элиминации навязчивой иллюзорности, которая отчего-то «дарована» человечеству. Снова обратим внимание на то, что главное условие удвоения мира – становление общественных отношений. Это видно по тому, что, рождаясь, «рядовой» инди-

вид неизбежно противостоит не просто окружающей его действительности, но – открытости мира. То, что мир открыт, новорожденный непосредственно ощущает в процессе обмена веществом, энергией и информацией между ним и средой. Мир «распахивается» не сам по себе, но исключительно во взаимодействии с отдельным человеком. Сам по себе мир не является ни открытым, ни закрытым. Мы не способны «выследить», каков мир на «самом деле». И когда мы изощряемся улавливанием его (т. е. «пресловутого» «самого дела»), здесь-то «подстерегает» нас «иллюзорная компенсаторность». Вместе с тем, как мы только что сказали, удвоение мира (связанное со становлением в нем человека) и его существование применительно к человеку в качестве открытого – все это свидетельствует о том, что только в указанном удвоении описываемой нами реальности (включающей в себя человека и открытость мира) может состояться неотчужденное развертывание «аутентичной человечности». Но это важнейшее обстоятельство становится и предпосылкой человеческого самоотчуждения. Все дело в занимаемой индивидом позиции. Если он под влиянием внешних условий, например неадекватно протекающих социальных процессов, начинает рассматривать открытость мира как нечто зависимое от него (т. е. от данного субъекта), в связи с чем его адаптация к среде «провисает потребительством», то результатом такого отношения к природе становится утрата человеком житейской устойчивости, и он медленно сползает на позиции как раздвоения своего «Я», так и иллюзорного удвоения сущего. Корень разлада человека с самим собой – в характере его сопричастности к внешнему миру. Но окружающий человека мир не чужд ему: он – «внешний» как пребывающий за пределами человеческой телесности. Однако этим подчеркивается человеческая «самость», что служит подспорьем «личностной разверстки». Человеческая природа совершенствуется открытостью мира. Иначе человек не смог бы состояться. Отсюда личностное становление осуществимо в тесном контакте не с миром как таковым (это – вполне отвлеченный подход: он лишен «просвета»), но с содержанием его открытости. Благодаря ей человек оказывается задействованным перспективами своего роста. Всю свою жизнь он должен пребывать, выразимся так, в утробе мира, и ему (т. е. человеку) вовсе нет надобности отказываться от «мировключенности», даже если его принуждает к этому «ослабленная потребительская корзина».

Структурная – «горизонтально-вертикальная» – очерченность индивидуального бытия контекстом феномена узнавания – результата социоличностно развернутого отражения. Оперируя структурой человека в ее «горизонтально-вертикальном исполнении», мы отчетливо прослеживаем ее «горизонталь» и «вертикаль» (дальнейшее изложение показывает их тесную взаимосвязь, под влиянием чего «вертикаль» порою кажется зажатой «бременем горизонтали»). Первый компонент структуры – «экзистенциален»: он связан с раскрытием жизненного обеспечения человека, а это как раз то, благодаря чему претворяются преимущественно витальные потребности – за счет их увязки с открытостью мира. Отсюда так важно прочертить «ролевую востребованность» «горизонтали», наделяющей человека радостью жизни или, наоборот, сужающей его «потребностный замах». Все это осуществимо в ходе адаптации индивидуализированной природы или человеческой биоданности (которая как «телесность» не тождественна «природе», «возвышающейся набором ощущений» и нацеленной на реализацию своего потребностного поля за счет упомянутого обмена веществом, энергией и информацией в отношениях между организмом и средой /воплощающей для человека вышеназванную открытость мира/). …Индивидуализированная «экзистенция» «нащупывает» место человека в мире, предстающим, как мы уже знаем, «воспламененной открытостью». Данное нащупывание есть не что иное как реализация нашего жизненного самоопределения. И важным его этапом является узнавание, благодаря которому закрепляется предрасположенность человека к природному окружению, переходящая (речь идет о предрасположенности) в узнавание. Узнавание – принципиальный этап ориентации индивида в мире, неизбежно оборачивающийся личностным самоутверждением. Здесь мы делаем краткий, но актуальный вывод, в соответствии с которым узнавание как результат наблюдения невозможно вне прямой соотнесенности человеческой биоданности и тесно связанной с ней и обслуживающей ее естественной человеческой природой (выше об этом было сказано), преимущественно сфокусированной деятельностью дистантных ощущений (сама же естественная человеческая природа являет собою единство внешних (т. е. дистантных и контактных) и внутренних – тактильные, висцеральные, кинестетические, температурные, болевые, равновесия, вибрационные – ощущений). Конечно, узнавательно-самоутверждающийся потенциал

человеческой телесности как биоданности весьма значителен, но мы судим о нем по результатам естественноприродной воплотимости индивида. Настоящий текст опирается на это положение. Итак, естественная человеческая природа делает все возможное, чтобы воспроизвести «причащенность» телесности к миру в его «открытосистемном прогоне». Ему преимущественно обязаны мы суждениями о мире как открытом образовании, «непроизвольно» выполняющим наши «просьбы». Это происходит благодаря амбивалентной соотносимости телесности и надстраивающейся над ней естественной, подытоживаемой внешними и внутренними ощущениями, человеческой природы. Отмечаемая соотносимость ведет к тому, что окружающая человека реальная действительность усилиями естественной человеческой природы смещается фокусом телесности, представляя ее интересы и потребности фактом собственной открытости. Открытость здесь воспроизводит свободу телесной самореализации индивида, направленной на усиление ее взаимосвязи со средой. Это происходит за счет поисков, ведущихся естественной человеческой природой. Поскольку ощущение зрения – основной поисковый инструмент естественной человеческой природы, на него падает нагрузка по сохранению телесности в «отсчетном» месте по причине «отлета» от него «зрительной реакции». Это служит показателем того, что человеческая телесность, хотя она и пребывает в данном месте, неизбежно пульсирует «виртуализированными зигзагами». Действительно, мое тело находится «здесь», но оно же на зрительном уровне постоянно пребывает «там». Эта пульсация ведет индивида к повсеместному забеганию вперед (это «вперед» мы соотносим с перспективами опережающего отражения, выделяющего ведущую роль изменчивости в «прогоне» движения – единственного способа существования материи). Вследствие этого мир «непринужденно» смещается к состоянию, где с наибольшей полнотой расцветает его опережающе-отражательная способность (выполнимая лишь «человеческими пределами»). …Предложенная горизонтальная пульсация подчеркивает рассмотренную выше открытость мира; и горизонтально «зачищенным» экзистированием устои открытого мира втягивают в свою открытость человеческую телесность и естественную человеческую природу (придающие – повторяем – нашему миру открытость). Через обмен веществом, энергией и информацией происходит единение нашей телесности и открытости мира. Однако внедряемое едине-

ние стремится «замести» искусственная человеческая природа (или духовность), целеположенно выстроенная на базе не раз нами отмечаемого опережающего отражения. …Открытость мира осуществима исключительно в его телесной репрезентативности (выше было сказано, что самой по себе открытости мира быть не может: она достижима за счет появившейся и становящейся телесности, постоянно соединенной с миром путем обмена веществом, энергией и информацией). Наличие открытости говорит о том, что через нее мы просматриваем окружающий мир. Уподобляемая «объективной реальности» открытость позволяет нам – теперь уже на уровне сложившейся рациональности как своеобразного пика человеческой духовности – довольно подробно раскрывать находящуюся за пределами открытости многообразную среду. Под влиянием открытости, складывающейся, как уже говорилось, с участием человеческой телесности, осуществляется такое воспроизведение предметного мира, когда он выстраивается образно промеренным. Это значит, что человеческая естественная природа – и прежде всего ее дистантные ощущения – оказывается выразимо упорядоченной: она «тактично» гармонизирует свою связь с тем, что вырисовывается пределами открытости. «Руководствующийся» ими предметный мир – ведь он, как не устаем повторять, открыт субъекту именно в такт его (т. е. данного субъекта-индивида) биению сердца. Гармонично отзываясь в человеческой телесности, предметный мир заполняет естественную человеческую природу слаженностью образов, отдающихся в индивиде под его (т. е. предметного мира) влиянием. …Появляющийся на свет младенец постоянно сближается с окружающим миром путем энергетического с ним обмена. Влиянием близости обусловлена телесная – с ведущей ролью наших ощущений – запечатленность мира; и воспринимаемые результаты «закругляются» системой образов. Образ – субъективно запечатленная часть внешнего мира. Открытость мира позволяет нам видеть его «глубинную стать». И это выполнимо за счет нашего тесного соприкосновения с неповторимым в своем совершенстве миром. Человеческая телесность осуществляет это внешними ощущениями, вынося макромиром содержание «экзистенциально облицованной горизонтали». Наблюдаемая здесь уподобленность макромиру человеческой телесности выражает их материальное единство. Она (т. е. телесность) непосредственно не касается иных «предметных этажей». Это усиливает состояние откры-

тости мира, выражающееся в том, что человеческая телесность способна выйти и на иные «действительные уровни». Она в силах это произвести, если сумеет адаптироваться к незнакомой предметной ситуации. Благодаря сближению человеческой телесности и макромира в открывающихся горизонтах неизведанного оно (т. е. неизведанное) «облачено пронзительной неповторимостью». Описываемое состояние телесности сопряжено с узнаванием: в уникальности раскрывшегося мира человеческая телесность обретает новое, более совершенное самоутверждение, воплощение коего – феномен телесной самодостаточности как синтез «горизонтально-вертикальной структурированности» в предложенной нами исследовательской программе по изучению социально активированного системного освоения действительности. В нем (речь идет об узнавании) телесность утрачивает прежнее ведущее положение, и становится очевидной значимость вертикальной составляющей структуры индивида. Вместе с тем, рассматривая функциональную – по «горизонтали» – характеристику названной структуры, мы констатируем важное положение, согласно которому функциональное разнообразие «горизонтали» наиболее полно соответствует процессу узнавания человеком мира. Ведь узнавание – это не что иное как функционально выраженное самоутверждение индивида в земных реалиях, по результатам которого отражаемая им «предметность» сама оказывает непосредственное воздействие на переструктурирование «действенной человечности». Оно (т. е. узнавание) является четко выполненным «действом» по «зачистке» тем или иным субъектом своего конкретного места. Естественноприродная деятельность человека, затверждая «этим местом» его телесность, «возглашает» отражательную ситуацию, закрепляемую узнаванием. Узнавание здесь – крепкое сцепление индивида с данным местом, благодаря чему усиливается его (т. е. «привлекаемого» индивида) «причащенность» к окружающему миру. …Узнавание предполагает слитность телесности и естественной человеческой природы (первая, как мы помним, претворена биоданностью, вторая – совокупной деятельностью внешних и внутренних ощущений), вследствие чего их обращенность к миру делает его открытым. Такая открытость выверяется сформировавшейся искусственной человеческой природой. Примем к сведению и то, что глобализация окружающей среды, находящая себя в создаваемой человеком искусственной природе, значительно облегчает процесс уз-

навания человеком различных предметных очертаний. Искусственно создаваемая «глобалистика» становится «точкой отсчета» функционально «взвешенного» узнавания: она как посредник в отношениях между человеком и внешним миром навязчиво предполагает уподобить мир человеку. Происходит переворачивание веками сложившихся отношений, и человечески-глобальный антропоцентризм как бы снимает проблему узнавания. Оказывается, человек, антропоморфно скользя по «телу» Вселенной, узнает в ней то, что может его заинтересовать. Интересует же его стремление усилить открытость мира из-за обмена с ним веществом, энергией и информацией. Разбирая отмеченным способом узнавание, мы заключаем: узнавание – способ престижного выживания как отдельно взятого человека, так и в целом человечества. Конкретный индивид способен освоить, а следовательно, узнать какое-то отдельно «приуроченное» место – преимущественно то, где происходит самоутверждение «подверженного опыту счастливца». Что касается человечества, оно, впитывая опыт приобщения к миру «рядового гражданина», диалектически преодолевает его (т. е. опыт) заменой отдельно взятого места универсальной антропоморфизацией космоса. В нынешних условиях «неприметный индивид» оказывается завербованным «массово-хаотичной социальностью». Ранее такое не наблюдалось, поскольку человек ощущал свое единение с коллективом, но не уподобление ему. Сегодня, наоборот, мы видим, как индивид, зомбируясь СМИ, чаще всего выступает жалкой тенью «коллективизма». Отсюда самоутверждение индивида обретает «иллюзорную исполненность», и он подвержен «виртуализированному растворению». Становится очевидным: узнавание человеком своего места в мире преимущественно связано с раскрытием его (т. е. человека) жизненных перспектив. Узнавание человеком мира на деле оборачивается самоузнаванием. Человек должен приложить большие усилия, чтобы его неповторимое самоузнавание незримо сопряглось с открытостью мира, когда последняя смогла бы интенсифицировать внутреннюю близость между человеком и миром. И мы должны прилагать усилия к тому, чтобы узнавание не сливалось с уподоблением. Мы оперируем уподоблением с целью увидеть сходство между нами и миром и опять-таки упираемся в антропоморфизацию. В данном случае она усилена уже рассмотренной глобальной ситуацией. Еще раз итожа значимость горизонтального компонента структуры человека, мы об-

ращаем внимание на то, что благодаря ему человеческая телесность, обустраиваемая естественной человеческой природой, открывает для себя мир в ходе его узнавания. При этом подчеркивается ее единство с этим миром за счет постоянного обмена веществом, энергией и информацией. Участник этого процесса – естественная человеческая природа – придает отмечаемую открытость бескрайнему миру, и это свидетельствует о том, что именно естественной человеческой природе приходится делать отчет о ее (т. е. данной открытости) предназначении. С этой целью исторически нарабатывается вторая – искусственная – человеческая природа, или духовность, выстраивающая исследовательскую «вертикаль» феномена телесной самодостаточности. И здесь мы переходим к раскрытию «вертикали» человеческой структурированности. Ведь только благодаря этому схваченная на уровне естественной человеческой природы открытость мира получает свое целеположенное завершение. Это в свою очередь говорит о том, что здесь улавливаются истоки узнавания. Мы уже отмечали: узнавание – это всегда отражательная предрасположенность отражающего к отражаемому, в данном случае человека к миру. Основанием открытости мира является человечески-телесная направленность на него. Однако в своем горизонтальном выражении она, эта открытость, носит исключительно материальный характер. Собственно, здесь лишь закладываются основы рассматриваемой открытости. Сама же открытость – плод духовного обоснования места человеческой телесности в границах окружающей реальной действительности. С открытостью мы имеем дело в условиях становящейся человеческой духовности, т. е. собственно за пределами предметного мира. На первое место здесь выходит перевод информации в знание. Оно осуществляется благодаря опережающе реализуемому отражению. Впрочем, целеполагание осуществимо только благодаря опережающему отражению реальности. Говоря об узнавании, мы стягиваем его содержание вышеупомянутыми «целеполаганием» и «опережающим отражением». Вместе с тем «узнавание» – это и нечто особенное, что не обеспечивается двумя только что упомянутыми понятиями. На него работает тот пласт естественной человеческой природы, который предстает внутреннеощущаемой человеческой деятельностью. Узнавание – это не просто «рядовое» отражение реальной действительности, но отражение, преисполненное веры. Внутренние ощущения как раз настроены на прив-

несение в сознание человека вероисповедности. Узнавание, можно сказать, – такое целеположенное отражение окружающего мира, когда он «вспыхивает» «обобщенно сосредоточенной идеализацией». Узнавание – не случайно скопированный фрагмент реальной действительности, но прежде всего углубленное освещение отражаемого предмета – с выходом на его постижение. Узнавание также насыщено чисто интеллектуальными интенциями, позволяющими отождествлять узнавание с познанием. Близость этих двух сторон в раскрытии предметного мира обусловлена необходимостью мгновенной засвеченности узнавания – сияющей высоты личностного – «вертикально обустроенного» – самовыражения. Попутно отметим: узнавание ограничено тем, что зачастую заслоняется совокупностью символов, стремящихся свернуть усилия «узнавательной программы» по «проверке» окружающей действительности. Узнавание осуществимо также наложением на процесс внешнеощущаемого отражения отражательной деятельности, связанной с системой внутренних ощущений. Мы понимаем это так, что внешнеощущаемая деятельность определяет содержание рационального среза человеческой духовности, результаты чего представлены макроскопической воспроизведенностью. Это вполне соответствует тому макромиру, в котором мы пребываем. Отсюда внешнеощущаемая отражательная деятельность на рациональном уровне воспроизводит рационально же характеризуемую действительность. В узнавании это – главное. Ведь узнавание, как мы отмечали, всегда осуществимо из-за тесной привязки нашей телесности к окружающей среде под воздействием открытости мира, которая воссоздается обменом веществом, энергией и информацией между индивидом и средой. Благодаря характеризуемой открытости становится возможным более глубокое взаимодействие человека и окружающей среды. …Известно, что деятельность наших внутренних ощущений направлена и на утверждение собственно человеческой телесности, и на «нейроуровневое подчеркивание» связи индивида со сферой трансцендентного – «выстилающимся» микромиром. Квинтэссенцией данного аспекта внутреннеощущаемой деятельности в границах человеческой духовности «означена» (внерелигиозная) вера. Сфера разума – «интуитивным подспудом» – приобщает ее к реальной действительности. За счет такой соотносимости рацио и веры складывается убежденность как мощное – «вертикально» фиксируемое – средство в осуществ-

лении узнавания. Это связано с тем, что узнавание чаще всего применимо к слабовоспроизводимому в контексте внешнеощущаемой деятельности фрагменту реальной действительности. Особенно это касается нашего внутреннего мира, порою преисполненного чем-то необычно-загадочным. Раскрытие его происходит за счет приобщения к символике, которая призвана помочь в опознании интересующего нас фрагмента окружающей действительности. При этом нужно обратить внимание на то, что внешнеощущаемый отражательный процесс, завершающийся рациональным ее описанием, предлагает нашему вниманию тот ее «разрез», посредством которого эта действительность «высвечивается» своей «рационализованной линейностью». Объемное, а стало быть, нелинейное видение мира осуществимо тогда, когда нам удается амбивалентно сопрячь разум и веру. И узнавание становится итогом символьного «раскавычивания» предметности в случае, если символ вмещает результаты рационального и вероисповедного подходов к реальности. Главное же назначение символа – угадать «вероисповедное кредо». Но чтобы угадывание не несло искажения, ведется тесная привязка обусловливаемого верой символа к знаковой ситуации, «расчищающей» «рациональную площадку» человеческой духовности. Отличие знака от символа состоит в том, что, имея значение как результат межличностного – объективированного – соглашения, знак вполне содержательно через него (т. е. значение) заявляет о себе. «Притертая» знаком информация вовсе не нуждается в разгадке. А вот символ – внеконвенционален: подлежит «трезвому» угадыванию «убежденческим настроем». Природа символа, насыщенного информацией, не столько вероятностна, сколько проблематична. Проблематичность заключенной в символе информации состоит в том, что мы должны эту информацию приблизить к ее «знаковому подобию». Здесь наблюдается спецификация инфомассива. Сама по себе информация совершенно безразлична к тому содержанию, которое ей придает человек. Однако человек жизненно заинтересован в информации, поскольку, как мы уже говорили, он самоутверждается с ее помощью. Человеческие убеждения – ценностно отточены, благодаря чему совершенствуется узнавание: оно приближает человека к «далекой неизведанности», «закрепляя» «облюбованным местом». Особенно это характеризует состояние человека в пограничной ситуации, когда мир «проигрывается» необычными очертаниями и требуется воля,

чтобы выдержать его прессинг. Для проведения нужных действий выступают убеждения как философско-методологическое «подспорье», содействующее разгадке символов и их нелинейному соединению с системой знаков. Находя соответствующее совмещение, символы и знаки комплиментарно «стыкуются», и это содействует адекватному «прочтению» результатов узнавания.

Единство мира и человека – условие становления ноосферы. Узнавание – сложный, многоаспектный процесс, связанный, словно вершина «системно-структурного айсберга», с самыми «заветными» человеческими «тайнами». Если отмечаемой связи не происходит, узнавание мгновенно обесценивается, утрачивает значение. Также узнавание рисует мир в его непохожести. Это обусловлено изменчивостью мира как превалирующим аспектом его сущности. Связывая узнавание с убеждениями, мы прослеживаем внутреннее состояние индивида, выявляющего узнаванием свой личностный тезаурус. С его помощью утверждается причащенность человека к земным реалиям через обретение «венцом природы» чаемой открытости. Предопределяясь ею, узнавание приобщает человека к миру, и это придает (опережающему) отражению способность его постоянного совершенствования. …Свертывается иллюзорное удвоение сущностей. Мир движется навстречу своей целеположенной воспроизводимости, высшая ступень которой – личностное (узнавательно совершенствующееся) самоутверждение. Конструктивно интерпретируя предметный мир, оно творчески присваивает его пределы: человек – и мы это видим – возвышает мир до собственного уровня. Вместе с тем мир также притягивает к себе человека, и образующееся взаимодействие человека и мира направлено по крайней мере на точечное становление ноосферной формы движения материи (и этим обусловлена значимость «вертикали» – социально активированного способа освоения действительности). Вздвигаемая «ноосфера» как результат человеческой активности угадываема «конгломератом символьных структур». Символы, выполняя посредническую роль, предопределяют место ноосферной реальности в судьбах грядущего человечества. Они превалируют над рационально воспроизводимой знаковой ситуацией, но это не дискредитирует разум. Просто узнавание, основанное на глубинных пластах убеждений, запечатлевает свою, предрасположенную к таинственности, «волю к совершенству». Но само стремление узнавания к совершенству вызывает схватывание им – в соответст-

вии со статической концепцией времени – прошлого, настоящего и будущего «нелинейным разворотом». Под влиянием узнавания человечество обретает многоаспектное – соответствуя указанным временным рядам – самоутверждение. Воспроизводясь детерминистской нелинейностью, узнавание активизируется в направлении размышлений о мире, когда бы этот мир предстал в его полной – «абсолютной» – соотнесенности с человеческим взглядом на него. Конечно, человек науки не смотрит на мир его глазами. Случись такое, и мы бы прозрели сущность мира взглядом этого мира на себя самого. Это, однако, невозможно ввиду постоянной отстраненности человека от мира из-за неизбежно складывающейся его (т. е. мира) открытости. Но и тут человек не теряется: он вненаучно осваивает реальную действительность в ходе ее антропоморфизации. Наша задача – использовать это, пусть и обыденное, но очень емкое положение для усиления «научного пристрастия» в адрес предметного мира.

Методологический настрой узнавания: сочетание в нем научных и образных реалий как способа многообразного постижения действительности. И узнавание удачно сочетает методологию научного исследования мира с его случайным способом раскрытия. Случайность раскрытия – такое следование реальной действительности, соответствуя которому научная репрезентация оборачивается воплощением образности. На этом настаивает узнавание, которое, конечно же содержит антропоморфизацию. …Важно предохранить себя от ее абсолютизации. Тем не менее любая наука «обосновывает» действенность своего претворения непременно «фактором образности». На наш взгляд, узнавание удачно сочетает в себе – на базе уже не раз упоминаемых убеждений – научное содержание и образную его «отделку». Но что выражает сочетание научности и образности? На этот вопрос можно ответить так, что сущностное и феноменальное (т. е. результаты научной деятельности, «вызволяющие» законы мира, и то, как они, эти законы, проявляются в «случае») пребывают в такой взаимосвязанности, согласно которой реальная действительность приоткрывается не познанием мира, но его постижением. Мы постигаем мир, и он, раскрываясь человеческой выразимостью, становится нам ближе и дороже. Это «ударное» положение настраивает на такое приобщение к миру, когда ощущаемая нами близость с ним делает его узнаваемым и весьма предпочтительным в решении встающих перед человечеством задач. Итак, узнавание опе-

рирует открытостью мира, которая воспроизводится благодаря присутствию в нем природно отстоявшейся человеческой телесности. При этом природа, подразделяясь на естественную и искусственную, с двух сторон охватывает человеческую телесность, и на этом фоне обрисовывается открытость мира. Ее и «припечатывает» человеческая телесность. Это положение еще раз свидетельствует о том, что лишь открытостью достижимо взаимное приобщение друг к другу человека и мира, и оно оборачивается узнаванием – показателем «горизонтально-вертикальной» устремленности социума к его объединению с миром – все еще далекой от завершения действительностью (данное положение свидетельствует о том, что социальное отражение как познание и постигаемый на этой основе мир сливаются в субъектно-субъектной отождествленности).

Узнавание – результат социального отражения – «приобщает» Вселенную к запросам человечества. Узнавание – всегда переход от менее совершенного постижения реальной действительности к постижению, которое оперирует нарастающим духовным потенциалом. Это находит свое выражение в том, что благодаря узнаванию человек расширяет перспективы своего пребывания в мире: осуществляет его космизацию глобально разбросанной искусственной средой. Можно с уверенностью говорить о том, что глобализация, плавно переходящая в ноосферу, предоставляет человечеству возможность космического самоутверждения – пределами «земного притяжения». Мир, следовательно, сжимается до нужных для человека размеров, если человек деятельно «накачивает» свое самоутверждение в отведенных для этого рамках открытости. Сама же по себе открытость, как выше мы пытались показать, осуществляется тесным приобщением человека к реальной действительности. И чем интенсивнее выдержана телесная приобщенность индивида к ней, тем стремительнее «взмывают» человеческие возможности в плане глобализации земной реальности и свертывания Вселенной до приемлемой «быторазмерности». Узнавание здесь – важное «пособие» по приобщению Вселенной к запросам человека. Но и человек «впитывает» Вселенную: концентрирует ее своей духовностью, памятью тела. «Текст» узнавания резюмирует отражательное обеспечение «расфасованной» открытости мира как такой обживаемой зоны, где регулярно задействована целеположенно-поступочная новизна. Она приводит человечество к построению пространствен-

ного ареала, который приурочивается к себетождественному узнаванию, а значит, свободен от иллюзорного удвоения. Узнавание – мощный стимул перестройки мира на основе создаваемой социумом второй, глобально отлаженной искусственной природы. Идентифицируясь узнаванием, реальный мир – воспроизводим по сути, и это свидетельствует о его подлинной единственности, уникальной неповторимости, системной структурированности. Узнавание противостоит охватывающей современное человечество виртуализации, стремящейся во что бы то ни стало расшатать мировоззренческий монизм, ведущий человечество к признанию материальности мира как источника жизни.

Постиженческое насыщение социального отражения ведет нас к преодолению потребительства. Суммируя «горизонтально-вертикальные» скрепы социального отражения как познания, мы попытались указать на то, что с помощью универсально задействованного отражения открытость мира позволяет человеку проникать в его тайны, оберегать их от разрушений. Так постепенно человек освобождает себя от «потребительства» – наследия «предысторических эпох».

Примечания

1. Ленин В. И. ПСС. Т. 18. С. 91
2. Там же.

МОРЯКИНА О. В.
БЫКОВА Т. В.

«ПРАКТИЧЕСКАЯ» ФИЛОСОФИЯ ШКОЛЫ КАРМА КАГЬЮ

Начиная с 90-х гг. XX в., происходит активное проникновение разнообразных религиозных течений, в том числе буддийских, на территорию России. В США и странах Западной Европы рост интереса к восточным религиозным традициям, в частности к буддизму, начался несколько раньше, в 60-х гг. XX в. Традиционные буддийские школы, завезенные в эти страны, приспосабливая свое учение к «западному» способу мышления, трансформировали культовую практику, оставив, тем не менее, неприкосновенным ядро учения. Среди разнообразия буддийских традиций особенно выделяется школа Карма Кагью, активно функционирующая на территории России и западных стран и, пожалуй, наиболее из них организованная. Своей популярностью эта